

Нина Хайлова

ЛЮДИ ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ

**МАКСИМ МАКСИМОВИЧ
КОВАЛЕВСКИЙ –
АВСТРИЙСКИЙ ПЛЕННИК**

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК
929
94”1908/16

Статья посвящена малоизученному периоду в жизни известного ученого и общественно-го деятеля М.М. Ковалевского (1851–1916), связанному с его нахождением на положении интернированного в Карлсбаде (Австро-Венгрия) с июля 1914 г. по февраль 1915 г. Анализ разнообразных источников позволяет не только восполнить пробелы в биографии Ковалевского, но и пролить свет, в целом, на перипетии россиян, оказавшихся в начале Первой мировой войны в схожем положении, тем более, что такие вопросы как адаптация русских пленников к новым тяжелым условиям, их повседневная жизнь, создание и апробация механизма освобождения и возвращения соотечественников на Родину до сих пор недостаточно исследованы.

The article is devoted to a poorly studied period of life of M.M.Kovalevski (1851–1916), the distinguished scientist and public figure. This period is connected with Kovalevski's staying in intern condition in Karlsbad (Austro-Hungary) from July, 1914, to February, 1915. Analysis of various sources allows not only making up gaps in Kovalevski's biography. The analysis also enables to elucidate difficulties experienced by Russians who happened to find themselves in a similar condition at the outbreak of the WWI. That is very important because issues like adaptation of Russian prisoners to new severe conditions, their everyday life, creation and testing of mechanism of prisoners and interns release and repatriation are yet poorly investigated.

Ключевые слова: М.М.Ковалевский; австрийский плен; отношение к войне; положение интернированных россиян в Австро-Венгрии в 1914–1915 гг.

Key words: M.M.Kovalevski; the Austrian captivity; attitude to the war; condition of Russians interned in Austro-Hungary in 1914–1915.

E-mail: nkhalova@yandex.ru

Вплоть до Первой мировой войны отношение правительств воюющих государств к гражданским лицам из числа вражеских подданных, как правило, определялось признанием необходимости соблюдать личные и имущественные права данной категории иностранцев. «Война есть отношение государства к государству... Область частной жизни, сфера гражданского частного права и обязательств частных лиц должны пользоваться полною неприкосновенностью и не могут быть смешиваемы с областью государственной жизни» (Цит. по: [20, с.1]), – так известный юрист Ф.Ф.Мартенс (1845–1909) характеризовал в свое время один из важнейших устоев международного права.

**«Сражаются войска,
побеждают народы»**

Однако постепенно, еще с конца XVIII в., подготавливалась почва для ужесточения противостояния между участниками вооруженных конфликтов. В полной мере новая ситуация дала о себе знать в годы Второй ми-

ровой войны, хотя уже в самом начале XX в. утверждался новый взгляд на современную войну как на глобальное противостояние народов («воюющих наций»), не сводимое к деятельности правительств и армий. «Сражаются войска, побеждают народы», – развивая данный тезис, юрист и видный общественный деятель, генерал В.Д.Кузьмин-Караваев в 1915 г. утверждал: «Факторов успеха на войне много... Но главный из них – человек, его мысль и воля. ...Войну ведет не русское правительство, не русское войско, – ее ведет страна. ...Незримыми путями дух народа питает дух войска... И солдаты творят народную волю» [17, с.40]. По мнению исследователей, формирование негативного отношения к «подданным неприятельских государств» ускорило также под влиянием волны массовой интернационализации конца XIX – начала XX в. [18, с.9–11].

Среди тех, кто уже в самом начале Первой мировой войны ощутил на себе дыхание «железного XX века», были русские военнопленные, а также интернированные гражданские лица, оказавшиеся в тот момент на территории Австро-Венгрии и Германии. Какова была численность данных категорий жертв войны? До сих пор этот вопрос остается открытым, в том числе по причине «размытости» границ между этими группами. Дело в том, что тогда «значительно было расширено понятие "плена", распространявшееся на всех подданных враждебной стороны, чья деятельность признавалась опасной с точки зрения военных интере-

сов государства пленения» [21, с.333]. У историков больше вопросов, чем ответов, и по таким проблемам, как определение динамики пленения и формирования комплекса лагерей для военнопленных и интернированных; вопросы адаптации русских пленников к новым тяжелым условиям, их повседневная жизнь, создание и апробация механизма освобождения и возвращения соотечественников на Родину [21, с.332–335].

В начале Первой мировой войны, пожалуй, самой заметной фигурой среди интернированных россиян являлся М.М.Ковалевский (1861–1916) – ученый-обществовед с мировым именем, крупный деятель либерального движения. Пролить свет на эту малоизвестную ныне страницу его биографии, а также, в целом, на перипетии россиян, оказавшихся в схожем положении, позволяют свидетельства самого Ковалевского и его современников.

**«Вражда и ненависть
охватили собою отношения
народов»**

Начало войны стало тяжелым ударом для ученого. Один из лидеров пацифистского движения¹, он искренне верил в то, что «разум управляет миром». При этом Ковалевский осознавал объективные предпосылки

небывалого по масштабам вооруженного конфликта. По его словам, «война создана тем психологическим состоянием, какое вызвано было, с одной стороны, более 40 лет поддерживаемым во Франции желанием воссоединить отнятые у нее провинции, с другой, – вековым стремлением России к открытому морю и участию в мировой торговле, наконец, с третьей, – опасением Англии, что Германия вырывает из ее рук господство над морями и, побеждая ее в сфере промышленности и торговли, грозит захватить в близком будущем не только часть английских колоний, но и главнейших рынков, не исключая и тех, которые лежат в самой Англии». Ковалевский обосновывал мысль об «империализме как о ру-

¹ М.М.Ковалевский являлся одним из основателей, председателем Санкт-Петербургского отделения международного Общества мира (учреждено 13 июня 1909 г.). Члены этой организации занимались научной разработкой и популяризацией (в печати и публичных лекциях) вопросов международного права, понятий о международном мире, третейском суде и др. Он также входил в состав русской группы Межпарламентского союза, образованной в III Государственной думе (предс. – И.Н.Ефремов), был избран делегатом (от Санкт-Петербурга) XX конгресса мира (Гаага, август 1912 г.).

ководящем начале современной политики ...ближайшем факторе мировой конкуренции, завершающейся мировой войной, ради обеспечения перевеса одному из противников» [13, с.458, 459].

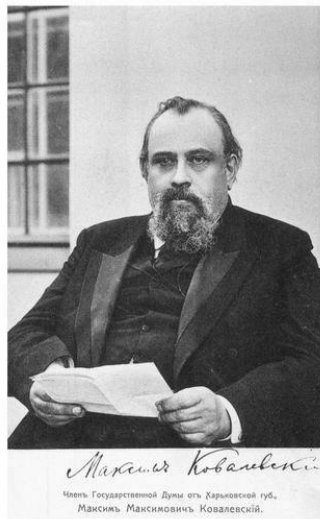
Характеризуя Первую мировую войну как империалистическую со стороны всех воюющих держав, ученый в то же время был убежден в том, что ее можно было избежать путем мирного улаживания спорных вопросов при условии создания договорного межгосударственного механизма [13, с.483]. А потому вполне понятны его строки, проникнутые болью и тревогой за ситуацию, в которую мир оказался ввергнутым вопреки здравому смыслу: «Вражда

и ненависть охватили собою отношения народов... Сыпятся взаимные обвинения. Наименее обидное из прозвищ, какими враждующие осыпают друг друга, – прозвище "варваров". Наиболее смелые и не помнящие родства не отступают и перед словом "людоеды". На моем веку я был свидетелем многих войн: франко-прусской, русско-турецкой, японской. Никогда страсти не выступали так резко; никогда люди разных наций, привыкшие ценить и уважать друг друга, не забывали так охотно взаимных обязательств».

**«немцы не знают
для русских
другого прозвища,
кроме "варвары"»**

В качестве примера Ковалевский ссылаясь на спор по вопросу об Эльзасе и Лотарингии, разгоревшийся в 1871 г., в период Франко-прусской войны, между французским писателем и историком Ж.Э.Ренаном

(1823–1892) и австрийским композитором, дирижером и скрипачом И.Штраусом (1825–1899). Несмотря на диаметрально противоположные позиции, представители интеллектуальной элиты двух враждующих государств вели диалог корректно и уважительно: «Каждый отстаивал свою точку зрения, не умаляя значения противника и того народа, к которому он принадлежит. Ренан продолжал считать своими духовными родителями и Канта, и Гете. Штраус нимало не отрицал услуг, оказанных

романскими народами и, в частности, французами духовному прогрессу человечества. Теперь не то, – констатировал Ковалевский. – В глазах немецких писателей англичане потеряли значение народа-освободителя. Это мелкие торгаши, готовые принести благо человечества в жертву своей страсти к наживе, англичане в свою очередь забыли, что Германия – страна гуманизма, и не видят в ней ничего иного, кроме опасного очага для мира и благоденствия народов Европы и отдаленных континентов. Метерлинк и Роллан говорят о немцах как о новых гуннах, а немцы не знают для русских другого прозвища, кроме "варвары". Цвет науки и искусства забыл, что знание и творчество не ведают географических границ. Члены академий исключают из своей среды иностранцев; на концертах не слышно более музыки враждующих с нами народов, – исключение допускается разве для старых композиторов, как Бах и Бетховен» [11, с.82].

Столь же абсурдным представлялся Ковалевскому и режим интернирования, примененный властями Германии и Австро-Венгрии в отношении гражданских лиц, застигнутых врасплох военной стихией на враждебной территории. В их числе оказался и сам ученый, прибывший на лечение в Карлсбад в июле 1914 г. Непосредственно в день объявления Австро-Венгрией войны России (24 июля / 6 августа) он был арестован, интернирован «по подозрению в шпионстве» [2, с.390]² (осуществлении за границей секретной миссии российского правительства). У него был проведен обыск с целью открыть следы переписки («шифром») с неким «полковником Назимовым», о существовании кото-

² По словам В.Д.Кузьмина-Караваева, шокировавшее русскую публику обвинение Ковалевского и других интернированных в «таком малопочтенном занятии, как шпионство», поначалу представлялось «явной нелепостью, простым предлогом для бесцельного и никому не нужного издевательства». И только со временем «сообщения русской, французской и особенно английской прессы о том, какая сеть шпионства была раскинута из Берлина по всему земному шару, раскрыли нечто поистине чудовищное». А вслед за тем в России пришло понимание того, что до войны «нам были просто неизвестны широкие слои немецкого общества; мы не знали их этики и тех приемов, при помощи которых они так долго и с таким упорством готовились бросить миру военный вызов. Мы вкладывали в их головы свою психологию и не понимали, какой был смысл изучать причастность к шпионству застигнутых войной на германских курортах светских дам, почтенного возраста сенаторов, профессоров и т.д. А они, как стало ясно после всего уже успевшего вскрыться в связи с войной, только прилагали к нашим туристам свои тщательно скрывавшиеся шпионнические мерки» [2, с.390].

рого, по словам ученого, сам он до того времени не подозревал. Сыграли роль и подозрения австрийских властей в «панславистском коварстве» русского профессора.

**«защитить славянство
от поглощения враждебным
миром»**

Дело в том, что Ковалевский давно уже раздражал определенные влиятельные круги в Германии и Австро-Венгрии своими публичными выступлениями в защиту интересов

славянства, аргументацией вывода о значительно возросшей на рубеже XIX–XX вв. международной роли славянских народов в социально-экономическом развитии, сфере литературы и науки. Как «могущественное средство» для совместной работы «историков, юристов и этнографов всего славянского мира» Ковалевский рассматривал Общество славянского научного единения, созданное под его председательством в Санкт-Петербурге (1912). Он также принимал деятельное участие в работе Общества славянской взаимности, московского Общества славянской культуры, стоял у истоков неославянского движения, основанного на идее политического объединения всех славянских народов против германизма и преследовавшего цель «защитить славянство от поглощения враждебным миром, заставить уважать в нем равноправного члена европейской семьи и этим содействовать большему объединению ее» [23, с.136]. Именно в квартире Ковалевского 8 мая 1908 г. проходило первое заседание сторонников сближения славян между собою, приуроченное к посещению Петербурга делегацией австрийских славян во главе с К.Крамаржем [13, с.426].

Задолго до начала Первой мировой войны в переписке с польским писателем Г.Сенкевичем Ковалевский, по его словам, «отдавая должное творчеству немцев в науке и художественном слове, музыке и пластических искусствах», в то же время «признавал их неспособными к тому ясному пониманию необходимости считаться с законными требованиями конкурирующих с ними народов, какое, напр., англичане обнаружили по отношению к американцам» [12, с.294]. В 1913 г. он откликнулся на просьбу *Neue Freie Presse* («руководящего органа венских либералов, известных своей враждебностью к славянам») высказаться по вопросу о путях улучшения отношений России с Австрией. Суть его предложения сводилась к тому, что «Австрия, как держава, более чем наполовину славянская, должна направлять свою внешнюю и внутреннюю политику не в сторону Германии, а в сторону России». За два месяца до начала

Первой мировой войны (18 / 31 мая 1914 г.) Ковалевский опубликовал в *Frankfurter Zeitung* (по просьбе редакции этой газеты) статью. Признавая долг русской интеллигенции перед немецкой наукой, он призывал к мирному согласованию интересов германского и славянского миров, утверждал, что избежать военного столкновения между ними можно «признанием справедливого запроса славянских народов на беспрепятственное развитие их культурных особенностей, уважительным отношением к их историческому праву, удовлетворением их, вызываемого необходимостью, тяготения к открытому морю», выражал надежду на поддержку немецкой демократией этих целей славянства.

«никогда не видел ни блага славян, ни блага России в искусственном объединении их в единое политическое целое»

По воспоминаниям Ковалевского, его заявления «встречены были холодно» и закрепили за ним эпитет «панславист», впервые появившийся в характеристике ученого на страницах *Vossische Zeitung* («одного из немецких руководящих органов») под впечатлением от его выступлений («в пользу одновременно мирной и дружественной к славянским народностям русской политики») еще в эпоху 1-й Государственной думы. Сам же Ковалевский, подводя итоги своего жизненного пути, утверждал, что панславистом никогда не был, поскольку «никогда не видел ни блага славян, ни блага России в искусственном объединении их в единое политическое целое». Призвание России, по его словам, заключалось «не в порабощении, а в защите средних и малых народностей, связанных с ней по крови, по языку или по единству веры и стремящихся к свету и свободе». Ученый выражал надежду на то, что победа в войне позволит России, опираясь на поддержку союзников, приступить к осуществлению своей исторической миссии [12, с.294–295].

«В бесчувствие я не впадал и слез не лил»

«Фирменный» стиль Ковалевского-мемуариста – это не только умение говорить просто о сложном, но и склонность к иронии и самоиронии. Так, вспоминая перипетии австрийского плена, Ковалевский не упус-

кал возможности снять с себя ореол мученика, созданный в русской прессе³. Несмотря на необходимость подчиниться общим требованиям, обязательным для интернированных⁴, Ковалевский, по его собственному признанию, находился в лучших условиях, чем большинство его «товарищей по несчастью». Он проживал на вилле австрийского адвоката Франка, обеспечивавшего русскому ученому полное содержание в долг. Все свободное время Ковалевский посвящал, «главным образом, литературной работе» – «написал 40 больших тетрадей, преимущественно мемуары личной жизни» ([4]; см.: [13]), «этиод об авторах дневников о французских событиях в царствование Людовика-Филиппа», а кроме того, «серьезно занялся еще чтением всей литературы, вызванной войной, англо-немецким соперничеством, вопросом об Эльзасе и Лотарингии, положением, созданным в Бельгии ее военным занятием, наконец, тем уже с десяток лет определившимся политическим течением германской политической мысли в пользу замены национального принципа империализмом, в котором надо искать действительный источник современной войны». В связи с отсутствием в Карлсбаде научной библиотеки, Ковалевский за плату (весьма значительную) выписывал необходимую литературу из Берлина [14, с.5–6].

Несмотря на относительно благоприятные внешние условия своего вынужденного поселения в Карлсбаде и плодотворность литературных и научных трудов, Ковалевский тем не менее в течение семи с половиной месяцев пребывания в плену чувствовал себя «как бы заживо погребенным, отрезанным от всякого общения с родиной, не способным сказать слова о текущих делах ни в собраниях, ни с кафедры, ни в печати». Письма и телеграммы или вовсе не доходили до него, или доставляемы

³ «Заговорили о случившемся со мною обмороке и о пролитых мною слезах, – вспоминал Ковалевский изображение "доброжелательными соотечественниками" обстоятельств его пленения, считая своим долгом представить истинную картину событий того злополучного дня. – В бесчувствие я не впадал и слез не лил, а отправился вслед за обыском на прогулку с двумя прибывшими ко мне из Франценсбада дамами, весьма запуганными не осуществившимся, к счастью, обещанием военного комиссара, что они никогда более меня не увидят. Мы поднялись, разумеется, в коляске, на вершину Аберга, с которой открывается далекий вид на Эрцгебюрге, пили кофе и шутили по поводу всего происшедшего утром» [11, с.84].

⁴ Лишение паспорта, возможности свободно распоряжаться своими деньгами на банковском счете, читать русскую прессу, запрет покидать Карлсбад под угрозой тюремного заключения, обязанность еженедельно являться в полицейское управление.

были «с пометками, по предварительном прочтении их военными и гражданскими властями». Вовсе не стремясь сгущать темные краски, ученый все же отметил тенденцию ужесточения отношения властей к интернированным «в отместку» за «дурное обращение с австрийскими пленными» в России: «запретили выходить из дому после 8 часов вечера и до 8 утра, грозили отнять право показываться в ресторанах и на концертах, запретили банкам выдавать нам из наших вкладов более тысячи крон в месяц. Этим, к счастью, и ограничились».

**«пребывание в курорте
принимало характер
настоящей пытки»**

Допуская самоиронию в описаниях собственной карлсбадской эпопеи, Ковалевский в то же время со всей серьезностью указывал на реальные угрозы жизни и здоровью массы

русских пленников в случае продолжения их заточения во враждебном государстве. «Судьи, адвокаты, железнодорожные служащие, народные учителя, земские деятели, фабриканты и промышленники, люди старые и люди, хотя и не отвечающие 45-летнему возрасту, но свободные от воинской повинности ввиду их болезни», – все они, по словам Ковалевского, «к прочим недугам присоединяют постепенно новый – неврастению». Застрявшие «на теплых водах» без денег или «со скромными подачками из собственных вкладов в размере пяти, много десяти процентов», многие из них испытывали трудности при оплате жилья, покупке самых необходимых продуктов питания, а с наступлением холодов, не имея теплой одежды, вынуждены были «ограничиться подкладкой ваты под пальто» [11, с.82–83, 86].

Потрясенные неожиданным поворотом в своей судьбе, россияне из числа интернированных зачастую оказывались неспособными к какой-либо адаптации в новых условиях. Они «бродили большую часть дня по улицам или в окрестностях Карлсбада, поддерживая друг в друге невольно возникавшие опасения, что не сегодня-завтра их лишат свободы, заставят жить в бараках, кстати воздвигаемых на небольшом расстоянии от Карлсбада, положат в день несколько десятков крейцеров и приставят военную стражу» [14, с.6]. Особенно невыносимым (на пределе возможностей) было положение тех, «кто и без того страдал расстроенными нервами, был оторван от всякой деятельности, не владел немецким языком, не имел поэтому возможности читать единственные доступные нам австрийские и германские газеты и от нечего делать проводил время в бесконечных разговорах о том, как бы выбиться на свободу. Для них

МАКСИМ МАКСИМОВИЧ КОВАЛЕВСКИЙ – АВСТРИЙСКИЙ ПЛЕННИК

многомесячное пребывание в курорте принимало характер настоящей пытки» [11, с.85]. К тому же пленники, ограниченные в средствах, рисковали в конце концов «переселиться» в тюрьму. Предупреждения австрийских властей о том, что «казенная квартира для них готова», побуждали «бывших аптекарей превратиться в цирюльников, и кой-кого из лиц, занимавшихся в нормальных условиях либеральными профессиями, запастись фотографическим аппаратом» [14, с.6].

Карлсбад, 1915 г. Продажа масла на Моравской улице

**«они ездили в Вену,
представляли ходатайства
в нашу пользу»**

Важно заметить, что война и австрийский плен не поколебали веры Ковалевского в прогресс, последовательное утверждение идей гуманизма, развитие общественной солидарности. Он свидетельствовал о проти-

воположных тенденциях, переплетавшихся в реальной жизни. С одной стороны, это «волна искусственно возбужденного ожесточения», которая «смывала приобретения человеческой культуры ...стремясь "обеспоащить" людское сердце» [16, с.86]. В то же время Максим Максимович приводил многочисленные примеры искреннего сочувствия к русским пленникам, которое было особенно заметным на «низовом» уровне – со

стороны «простых» людей, жителей Карлсбада, а также местной прессы⁵. «Но все их усилия разбились, как о каменную стену, об упрямство венских военных властей» [11, с.84–85].

Что же касается позиции российского правительства в отношении к своим соотечественникам, оказавшимся во вражеском плену, то вплоть до осени 1917 г. решение данной проблемы на государственном уровне отсутствовало. «Общественные организации и стихийно возникавшие комитеты помощи по всей России работали на свой страх и риск в условиях строжайшей военной цензуры» [21, с.334]⁶. Защитой прав и интересов русских подданных в Германии и Австро-Венгрии занимались испанские посольства в этих странах. Однако их деятельность, по словам Ковалевского, была неэффективной (в отличие, например, от усилий американских дипломатов, энергично и быстро добившихся освобождения интернированных англичан и французов). Ковалевский же главную роль в организации широкой кампании за возвращение в Россию военнопленных и заложников и, в частности, его самого отводил прессе (русской и иностранной) и «послушным ее голосу общественным деятелям»: «Недаром печать величают "великой державой"; она останется ею, пока будет служить истине, справедливости и гуманности» [11, с.86].

**«печать всего мира
возвысила свой голос
за освобождение русского
ученого»**

Инициатором международной кампании в защиту Ковалевского стал известный писатель и публицист А.В.Амфитеатов, поместивший в римской газете *Giornale d'Italia* со-

⁵ По словам Ковалевского, обращение австрийских врачей с контингентом русских пленников в Карлсбаде «все время было вежливое, отношение жителей уважительное, поведение членов медицинского персонала – активно-сочувственное. Они ездили в Вену, представляли коллективные ходатайства в нашу пользу, как больных, которым для исцеления прежде всего нужно спокойствие духа, невысказанное при неволе. Они настаивали на том, что Карлсбад, как и все лечебные места, должен быть своего рода убежищем. ...Сами владельцы домов и меблированных комнат готовы были оказать нам широкий кредит и ходатайствовать за нас перед властями, не раз высказывая ту мысль, что треть Карлсбада построена на русские деньги. Местная печать не прочь была содействовать нашему освобождению и обнародовать составленный нами протест» [11, с.84–85].

⁶ По свидетельству М.И.Туган-Барановского, показателем горячего сочувствия к Ковалевскому на родине служил порыв молодежи, которая «хотела даже организовать экспедицию для его освобождения» [5].

ответствующее обращение к мировой общественности. В результате «печать всего мира возвысила свой голос за освобождение русского ученого и его товарищей по неволе» [7], доказывала «всю бессмысленность задержки человека возрастного, не годного к военной службе и теряющего время попусту» [11, с.85]. Особую благодарность за помощь и поддержку Ковалевский выражал также чешскому депутату К.Крамаржу (вызвавшемуся снабжать русского ученого деньгами до конца войны), Комитетам помощи гражданским пленным и заложникам:

- в Италии (председатель – сенатор, профессор торгового права Дж.Б.Грасси, члены – премьер-министр Италии в 1910–1911 гг. Л.Луццатти, «ряд других итальянских сенаторов, депутатов, профессоров, писателей и журналистов»);
- в Швейцарии (прежде всего, Бернское бюро);
- и в Германии (где Комитет был образован в Берлине по инициативе русских, находившихся в этой стране);
- а также генеральному секретарю Межпарламентского союза К.Л.Ланге, и др. [11, с.83].

Среди тех, кто высказался в защиту Ковалевского, были: Папа Римский, министр иностранных дел России С.Д.Сазонов, ряд членов Государственного совета и Государственной думы, писатель П.Д.Боборыкин и др. [3; 5].

Благодаря усилиям общественности, Ковалевский был освобожден в феврале 1915 г. Его возвращению в Петроград (18 февраля) искренно радовались многочисленные соратники и почитатели. В приветственном письме председателя Русской группы Межпарламентского союза И.Н.Ефремова говорилось о пленении Ковалевского как акте «пренебрежения к международному праву и международной совести». «Да вознаградит Вас грядущее торжество родной земли, в котором она не сомневается, за перенесенные страдания, – писал Ефремов. – Это торжество в происходящей мировой борьбе неразрывно связано с торжеством идеи права и справедливости в международных отношениях» [1, с.2–2 об.].

**«освободили человека
гораздо менее полезного,
чем многие другие»**

Вместе с тем акция по возвращению Ковалевского в ряде периодических изданий оценивалась критически. Причем это касалось не только черносотенной (*Русское знамя* и др.), но

и либеральной прессы. В последней, в частности, указывалось на неравноценность произведенного властями обмена («ученого – на консулов»), отмечалось, что «освободили человека гораздо менее полезного, чем многие другие, которые остаются в плену» (Цит. по: [7]). Высказывалось предположение, что австрийцы усмотрели в усиленных ходатайствах за М.М.Ковалевского благоприятный для себя повод «поторговаться», с тем чтобы за члена Государственного совета «запросить подороже» [8; 11, с.86]. В результате группа из 16 русских подданных, задержанных в Австрии в начале войны (в т.ч. Ковалевский), была обменена на «10 австро-венгерских консульских чинов: генерального консула в Одессе, консула в Киеве, вице-консула в Одессе, Николаеве, Батуме и др.». Уверенная в том, что свобода Ковалевского куплена слишком дорогой для интересов России ценой, редакция *Утра России* замечала, что «эти господа, по специальному роду своей служебной деятельности, прекрасно осведомлены во всем, что сейчас весьма интересует венский Ballhausplatz⁷. В своих, не поддающихся таможенному контролю мозгах эти дипломатические агенты барона Буриана⁸, несомненно, вывезут массу ценного для Австро-Венгрии материала, не говоря уже о той активной рабочей силе, которую в лице этих "знатоков России" приобретут дипломатическое и военное ведомства двуединой монархии» [8].

По возвращении из плена Ковалевский вновь занял передовые позиции в общественном движении, призывал к «солидарной деятельности всех классов, сословий и народностей России, направленной к отражению врага» [6]. Своим долгом он считал способствовать освобождению и возвращению на родину соотечественников, оказавшихся во власти неприятеля, полагая неотложным делом организацию на государственном уровне обмена гражданскими пленными и заложниками.

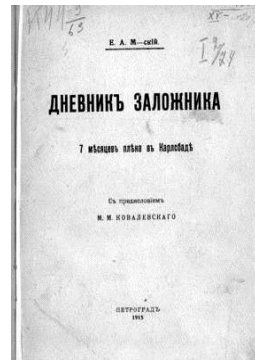
Списки этих лиц ежедневно пополнялись людьми, которым «по возрасту и болезням не суждено служить в армии, задержка которых совершенно бесполезна как той, так и другой стране. Придет ли кому в голову... – развивал очевидную мысль Ковалевский, – что генеральша Зеленая, вдова покойного воспитателя Великого князя Константина Константиновича, в роли заложницы может вызвать русское правительство на какие-то серьезные уступки Австрии. Мыслимо ли, что возвращение

⁷ Неофициальное название министерства иностранных дел Австро-Венгрии (размещалось в Вене, в здании на площади Ballhausplatz).

⁸ Иштван (Штефан) Буриан фон Райеж (1851–1922) – министр иностранных дел Австро-Венгрии в 1915–1916 гг.

либерального земского деятеля Екатеринославской губ., [господина] Яковенко, или подвергнутого судебному преследованию за непокорные слова адвоката Гиллерсона так дорого предпочитавшим властям, что в угоду австрийским требованиям они готовы отпустить даже заподозримых в шпионстве подданных двуединой Империи. Ведь такое предположение противоречит здравому смыслу...» [14, с. 7].

Стремясь в меру своих сил и возможностей облегчить участь поневоле оставшихся за рубежом, Ковалевский участвовал также в поисках пропавших без вести военнопленных, выступал с публичными лекциями⁹. Денежные сборы от лекций поступали в фонд Всероссийского союза городов для оказания помощи больным и раненым воинам, а также в пользу городских лазаретов при Петроградском университете, лазарета для нервных больных воинов при Психоневрологическом институте и т.д.

«война заставила нас выйти из обычной косности»

Ковалевский характеризовал войну, прежде всего, «не с точки зрения военных и стратегических успехов, а с точки зрения будущей мирной культурной работы», а потому на резуль-

таты ее смотрел, в целом, оптимистически. Он высоко оценивал значение войны для «подъема возвышенных чувств и патриотической активности» в странах Антанты, рассчитывал на более тесное сближение России с Францией и Англией. Сравнивая значение войны для России с «неожиданным ударом хлыста» («она заставила нас выйти из обычной косности и всколыхнула природную апатию»), ученый полагал, что «мы будем ей обязаны реорганизацией нашей национальной промышленности, будут утилизированы материальные силы и инициативы, существования которых мы, казалось, не подозревали». Ковалевский рассчитывал, что война приведет к «преобразованию в нашей администрации... к более полному и более рациональному конституционному режиму... каким он был намечен в императорском Манифесте от 17-го октября 1905 года». Он также возлагал надежды на то, что война послужит «мо-

⁹ «Национальный вопрос и империализм», «Война и солидарность ученых», «Германцы против англичан» и др.

ральному возрождению народа, слишком долго бывшего в рабстве у алкоголя» [10, с.39–40].

**или... «новому Эразму
придется присоединить
новую главу
к "Похвале глупости"»?**

Опыт пленника, лично пережитый Ковалевским, не оставлял у него сомнений в анахронизме и бессмысленности «нелепого, средневекового института заложников, вызванного из векового сна к новой жизни Габсбургской монархией» и явившегося «причиной бесцельного, глупого держания стариков и инвалидов». Ученый надеялся, что одним из результатов послевоенного устройства мира и пересмотра международного права станет упразднение данного института или... «новому Эразму придется присоединить новую главу к "Похвале глупости"» [14, с.7–8]¹⁰. Однако развитие ситуации в России и за ее пределами серьезно поколебало оптимизм Ковалевского. Незадолго до смерти он признавался, что не видит оснований для ожиданий «всеобщего расцвета» после войны [15, с.187].

**«Надо любить Бога, свободу,
равенство и прогресс!»**

Австрийский плен, длительное отсутствие полноценного отдыха оказались роковыми для Ковалевского, приближавшегося к 65-летнему жизненному рубежу. С осени 1915 г. у

¹⁰ Надежды Ковалевского разделяли в ту пору многие прогрессисты. В их числе – его многолетний соратник, один из ведущих публицистов журнала «Вестник Европы», к тому же известный юрист, генерал-майор В.Д.Кузьмин-Караваев. В унисон с Ковалевским он заявлял: «Прямая задача международных конференций при ликвидации войны после того, как "гнездо милитаризма" получит роковой удар, будет состоять несомненно в том, чтобы на будущее время очистить войну и военное дело. Сюда войдет обеспечение от произвола воюющих нейтральных территорий, ограждение от разрушения памятников художественного творчества, действительная, вместо ставшей мнимой, охрана интересов чужеземного мирного населения, действительное недопущение разрывных пуль и т.д. Сюда же войдет определение границ допустимой и недопустимой разведки как по месту, так и по времени и по условиям производства. Что касается до шпионства в мирное время ("отвертительное из отвертительных преступных деяний", "порождение милитаризма и один из крайних его эксцессов"), то должно надеяться, будут найдены такие формы взаимоотношений в области военного дела, при которых такое шпионство станет ненужным» [2, с.394].

него стала стремительно развиваться болезнь сердца. 10 февраля 1916 г. он в последний раз выступил с речью в Государственном совете в защиту законопроекта о подоходном налоге, отстаивая интересы малоимущих слоев населения, а спустя ровно месяц в последний раз присутствовал на заседании верхней палаты, в котором обсуждался данный законопроект. По свидетельству близких, Ковалевский до последних часов жизни продолжал интересоваться «политикой, войной, [Государственным] Советом и Думой». «Надо любить Бога, свободу, равенство и прогресс!» – с этими словами-завещанием он покинул этот мир 23 марта 1916 г. [22; 19, с.47].

Из многочисленных откликов на смерть Ковалевского приведем лишь два. М.И.Туган-Барановский замечал, что со времени ухода Л.Н.Толстого русское общество не переживало другой столь же крупной потери [19, с.51]. Член Левой группы Государственного совета А.В.Васильев признавал весной 1916 г., что «сознание незаменимости М.М.Ковалевского будет особенно чувствительно в ближайшее время, когда, после ужасов кровавой войны, народы Европы почувствуют наконец повелительную необходимость приступить к организации своих отношений на дорогах покойнику началах права и свободы. ...Ковалевский был бы незаменимым судьей и советником при решении сложных и многотрудных вопросов, связанных с будущей организацией Европы и всего мира. Тесно связанный узами дружбы со многими выдающимися и влиятельными представителями французской и бельгийской демократии, пользующийся большим уважением в ученом мире англосаксонской расы и говорящих по-английски народов, Ковалевский широтою своих гуманных воззрений не мог бы не импонировать и освобожденной от гипноза милитаризма немецкой интеллигенции» (Цит. по: [9, с.220]).

Максим Максимович Ковалевский похоронен в Петербурге, на Никольском кладбище Александро-Невской лавры; могила сохранилась.

Библиографический список

1. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф.103. Оп.2. Д.90.
2. Вестник Европы. 1914. №11.
3. Речь. 1915. 17 февраля. №46.
4. Речь. 1915. 19 февраля. №48.
5. Речь. 1915. 26 февраля. №55.
6. Речь. 1915. 8 марта. №65.
7. Речь. 1915. 15 марта. №72.
8. Утро России. 1915. 4 февраля. №35.

9. К 10-летию 1-й Государственной думы. 27 апреля 1906 – 27 апреля 1916: Сборник статей переводимцев. Пг.: Огни, 1916. – 231 с.
10. Ковалевский Е.П. Черты из жизни Максима Максимовича по семейным и личным воспоминаниям // Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. 1851–1916: Сб. ст. Пг.: Артист. заведение т-ва А.Ф.Маркс, 1917. С.5–47.
11. Ковалевский М.М. В плену // Невский альманах. Жертвам войны – писатели и художники. Пг.: О-во рус. писателей для помощи жертвам войны, 1915. С.82–86.
12. Ковалевский М.М. Германцы против англичан // Вестник Европы. 1915. №5. С.280–296.
13. Ковалевский М.М. Моя жизнь: Воспоминания. М.: РОССПЭН, 2005. – 781 с.
14. Ковалевский М.М. Предисловие // М-ский [Могиленский] Е.А. Дневник заложника. 7 месяцев плена в Карлсбаде. Пг., 1915. С.5–8.
15. Кондратьев Н.Д. М.М.Ковалевский как учитель // Вестник Европы. 1916. №5. С.175–188.
16. Кони А.Ф. М.М.Ковалевский в Государственном совете // Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. 1851–1916: Сб. ст. Пг.: Артист. заведение т-ва А.Ф.Маркс, 1917. С.69–86.
17. Кузьмин-Караваев В. Кто победит? // Невский альманах. Жертвам войны – писатели и художники. Пг.: О-во рус. писателей для помощи жертвам войны, 1915. С.40.
18. Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: НЛЮ, 2012. – 301 с.
19. М.М.Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. 1851–1916: Сб. ст. Пг.: Артист. заведение т-ва А.Ф.Маркс, 1917. – 274 с.
20. Розенберг В.В. Современные правоотношения к неприятельским подданным. Пг.: Ред. период. изд. М-ва фин.: «Вестн. финансов» и «Торг.-пром. газ.», 1915. – 134 с.
21. Симонова Т.М. Российские военнопленные и интернированные в лагерях Германии и Австрии в 1914–1922 годах // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: Мат-лы Междунар. науч. конф. 7–8 сент. 2004 года / Отв. ред. В.П.Козлов. М.: Наука, 2006. С.331–336.
22. Сорокин П.А. Памяти дорогого учителя и обожаемого друга // Русские ведомости. 1916. 24 марта. №69.
23. Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М.: Наука, 1991. – 231 с.